

Александр Анисимов: НЕ СТОИТ СПЕЦИАЛЬНО СТРЕМИТЬСЯ К САМОВЫРАЖЕНИЮ

Александр МАТУСЕВИЧ

За свою почти сорокалетнюю карьеру Александр Анисимов возглавлял ряд театров и симфонических оркестров разных стран, дирижировал спектаклями Мариинского и Большого, Парижской Оперы, Лисеу и Ла Фениче, театров Сан-Франциско и Хьюстона, Берлина и Гамбурга, Флоренции и Генуи, Марселя и Дублина... Сегодня, наряду с Госоркестром Беларуси, маэстро возглавляет Самарский театр оперы и балета в качестве художественного руководителя. В Самаре, во время фестиваля «Два века с Верди», и состоялась предлагаемая вниманию читателей «Музыкальной жизни» беседа с маэстро.

– Почему к фестивалю была поставлена именно «Аида», а не что-нибудь более нетривиальное из Верди?

– Настоящий оперный театр не может существовать без таких названий, как «Аида» и «Травиата». Это – та музыка, которая всегда привлечет публику. Сейчас у нас есть солисты, которые способны хорошо ее спеть. Не все, не полный состав, но, например, Аида – Ирина Крикунова, Амонасро – Василий Святкин и Рамфис – Андрей Антонов просто роскошные. Кроме того, это очень серьезная работа для всех составляющих театра – хора, оркестра, постановочной части, – на которой они могут расти.

Возможность обращения к тому репертуару, какой хотелось бы здесь видеть, во многом зависит от театрального менеджмента: будут ли деньги на постановку, сможем ли мы хоть немножко пожертвовать кассой, чтобы сделать то, что нам самим интересно. Это будет зависеть от величины привлеченных в театр спонсорских средств, прочих вливаний. Здесь есть проблемы. Театр сегодня не имеет президентского гранта, нас поддерживает только область. Этим денег далеко не всегда хватает – ведь надо думать о людях, об их зарплатах, прожиточном уровне. Поэтому сборы от спектаклей для нас имеют немалое значение.

– Самарская публика – она какая?

– Немножко вяловатая. Город огромный, вроде как должно быть немало интересующихся, но их меньше, чем хотелось бы. К сожалению активной оперной среды, каких-то фан-клубов пока не наблюдается. Прослойка очень грамотных, требовательных меломанов существует, они часто ходят в филармонию, заглядывают и в театр. Наша задача – расширить число таких заинтересованных зрителей. Но я вижу свою задачу и в том, чтобы привлечь широ-

кую публику, чтобы сюда вновь проторили дорожку, которая несколько заросла за те пять лет, что театр находился на реконструкции. Время стремительно меняется, и публику нужно вновь завоевывать, заинтересовывать. Хочу, чтобы широкий зритель, рядовой самарец, приходя посмотреть на наш новый декор, вдруг открыл для себя прекрасный мир оперы, балета, классической музыки. Этим во многом определяется наша стратегическая линия на более традиционные постановки, на умеренную режиссуру – главная идея привлечь, а не отпугнуть от оперы, своего рода просветительская миссия. Хотя у нас есть и достаточно смелые постановки, такие, например, как «Риголетто» Михаила Кислярова или «Любовный напиток» того же Юрия Александрова, с которым мы сейчас делали «Аиду» – замечательного мастера сцены, который даже и в традиционном спектакле умеет сказать свое слово.

Я хочу, чтобы в оперу приходил новый зритель, чтобы были аншлаги, чтобы в театре было интересно. Стараюсь придумывать разные новации, необычные концертные программы. Недавно делал свой бенефис, где прозвучала музыка из «Войны и мира» Прокофьева, «Добрыни Никитича» Гречанинова, Концерта для голоса с оркестром и «Красного мака» Глиэра – то, что не исполнялось в Самаре никогда. Делал концертную программу с участием сразу всех наших солистов – это интересно и им, и публике, которая имеет возможность услышать сразу всю труппу, разные голоса, сравнивать, сопоставлять. Стремление расширить зрительскую и слушательскую аудиторию выражается и в приверженности более традиционному репертуару. Мне, как музыканту, конечно, хочется поставить, например, «Огненного ангела» или «Леди Макбет Мценского уезда», но я понимаю, что пока это рано – надо, чтобы театр обрел сначала полноценных «Аиду», «Онегину», «Баттерфляй», «Травиату», «Салтана»... Делать что-то на более изощренный вкус, как мне кажется, пока еще преждевременно. Хотя, эксперимент нужен, и он порой дает поразительный эф-

фект. Вспоминается сразу в этой связи опыт постановки «Видений Иоанна Грозного» Слонимского в конце 1990-х в Самаре: Светлана Петровна Хумарьян, которая долгие годы руководила здесь всей культурой, была инициатором этого проекта, пригласила в Самару Ростроповича с его командой, и это имело всероссийский резонанс. И сегодня она нам говорит, что уже пора что-то более изысканное и редкое ставить, подбивает активно к новаторству.

– А как вы, кстати, относитесь к режиссерским новациям в опере?

– Когда много работаешь, творишь, не очень остается времени на знакомство с работами других. Но этой весной я был членом жюри «Золотой Маски» и уж по части т. н. «режиссерской оперы» посмотрелся всякого. Особое недоумение оставила у меня постановка «Пиковой дамы» Астраханским театром оперы и балета. Я работал с ее автором режиссером Константином Балакиным в Ростове – в том числе и над «Пиковой дамой»: там тоже был очень неоднозначный спектакль, но то, что привезли из Астрахани, на мой взгляд, переходит всякие границы. Я с очень большим уважением отношусь к любым проявлениям собственного видения, знаю, как трудно в нашем театрально-музыкальном мире достучаться до кого-то со своими идеями, но все-таки надо думать не только о себе, но, например, о композиторе. Да и о публике.

Я уже дожил до той мудрой мысли, что не стоит специально стремиться самовыразиться, во что бы то ни стало: твой спектакль все равно будет твоим, в деталях, в штрихах будет ощущаться твое слово, твое присутствие. Только не надо это делать специально, нарочито. В свое время я работал с очень разными мастерами, такими как Конвичный, Декер, Замбелло – и при всем уважении к авторскому высказыванию режиссеров пришел вот к таким выводам.

– Если я правильно я понял, вы в большой степени начинаете ориентироваться на приглашенных вокалистов на ведущие партии?

– Нет, я бы так не сказал. Последние премьеры – «Баттерфляй», «Травиату», да и «Аиду» мы делали в расчете, прежде всего, на местных солистов. Есть у нас институт приглашенных солистов – они не в штате, но приоритетно сотрудничают именно с нашим театром, мы их считаем своими. На премьеру «Аиды» мы позвали Михаила

Губского, нашего бывшего солиста, и Амнерис тоже была приглашенная из Москвы, но – по экстренной замене. А вот второй премьерный спектакль пели уже полностью наши солисты. На фестивале мы решили разнообразить палитру и пригласили на две ведущие партии певцов из театров Москвы и Петербурга, чтобы публике было интересно прийти еще раз, послушать новых для нее певцов. Но в идеале я бы хотел иметь театр, который мог бы собственными силами освоить, например, такую махину как «Война и мир» – как это совсем недавно и совершенно блестяще сделал Театр Станиславского в Москве. Наша задача – сохранить и развить собственную труппу.

– Удовлетворяет ли вас сегодня техническое состояние театра и его акустические свойства после реконструкции?

– Оборудование сцены здесь превосходное, самое современное, и акустика очень хорошая. Ее не только не испортили, но улучшили. Это был один из самых сильных аргументов «за», когда я дал согласие стать художественным руководителем и главным дирижером. В такой акустике хочется работать, и это огромное преимущество.

– Вы по-прежнему делите свое время между Самарой и Минском?

– Да, и делаю это с большим удовольствием. В Минской филармонии я уже более десяти лет, и надо сказать, что там хорошие возможности во всех отношениях, и это позволяет делать такие вещи, которые были бы невозможны в других местах, в том числе пока и в Самаре. Я делал в Минске «Замок герцога Синяя Борода» Бартока, большие фрагменты из «Кольца нибелунга», 14-ую симфонию Шостаковича, Лирическую симфонию Цемлинского, «Жизнь героя» Штрауса и многое другое. В Минске у филармонии есть пара хороших спонсоров и это сильно облегчает жизнь коллектива. Хорошо поставлено в филармонии рекламное дело – каждый концерт анонсируется по телевидению, пусть это даже какие-то секунды, но оказывается весьма действенным. Оркестр Белорусской филармонии активно гастролирует – мы регулярно выезжаем в Европу, недавно в Японии у нас было 18 концертов.

– А с Большим театром Белоруссии вы уже не связаны?

– Я отдал ему больше двадцати лет своей жизни, и мне памятли эти годы. Сегодня я там не работаю, но два-три в год дирижирую спектаклями. Не так давно делал возобновление «Евгения Онегина» – того спектакля, который я когда-то ставил.

– Когда вы снова появитесь в Москве?

– В декабре у меня намечен концерт с оркестром Юрия Башмета «Новая Россия». Это будет программа из произведений французских композиторов – «Дафнис и Хлоя» и соль-мажорный концерт Равеля, а также «Послеполуденный отдых фавна» Дебюсси. А раньше, 19 сентября, в Большом зале Московской консерватории впервые выйдут на сцену молодые музыканты симфонического оркестра Белорусской академии музыки, с которыми я работаю с этого года. Мы играем интересную программу. Следите за анонсами!

– А каковы ваши личные планы относительно зарубежных гастролей?

– В мае предстоит семь концертов во Франции с оркестром «Иль-де-Франс». Во второй половине года у меня будет большой проект с японскими оркестрами. Есть планы на Латинскую Америку, на Бразилию, на Индию (я ведь дирижировал индийским оркестром на Фестивале симфонических оркестров мира в Москве). Стараюсь все эти проекты увязать со своими главными обязанностями здесь, в Самаре.

Фото из личного архива Александра Анисимова

